

нравственного и духовного улучшения людей. Христианская нравственная активность по своему существу есть привнесение в мир благодатной силы любви, внесение добра в человеческие души. Это путь изнутри наружу; от личной жизни к жизни общественной. Это, по мнению С. Франка, основной путь подлинно христианского совершенствования жизни, на котором через любовь, сострадание, обуздание темных корыстных сторон человека, закладываются основы лучшего, более справедливого порядка человеческой истории.

Далее Франк делает очень важный для нас, современных людей, вывод о том, что реформы лишь в той степени могут быть плодотворны и вести к добру, в какой они учитывают данный нравственный уровень людей, для которых они предназначены. Здесь может иметь место принуждение. Оно необходимо для обуздания греховной человеческой воли, но попытка направлять его жизнь людей с помощью принуждения приводит не только к рабству, но и к неизбежному бунту злых сил, которые находят всегда новые, неожиданные пути для своего проявления.

Главный же путь совершенствования — путь из духовной глубины, в которой человеческая душа может «непосредственно воспринимать благодатные, спасающие силы, жить в Боге, быть соучастником «Царства Божия». Такая жизнь подлинно спасенная. В условиях несовершенной земной природы человека возможно более или менее приближение к такому идеалу. Но это уже не чисто человеческий, а богочеловеческий процесс, где свобода есть не человеческий «умысел», не человеческое своеволие, а усвоение человеком «высшей благодатной реальности»: чем ближе к этой подлинной жизни, тем сильнее действует эта высшая сверхчеловеческая сила; чем дальше от нее, тем большую роль играет чисто человеческая сила.

Человек в истории стоит как бы посередине этих двух начал. Никогда не достигая высшей цели спасения мира, человек в своем стремлении к нравственному совершенствованию мира движется по пути к этой цели.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что проблемы, обсуждавшиеся русской философской мыслью в лице ее лучших представителей, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Х. Хаймпель

## СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОД ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Работу по переводу статьи немецкого историка-экономиста Х. Хаймпеля выполнили студенты факультета мировой экономики ИГЭА А. Вялых, Ю. Куклева, Е. Решетский, Н. Мужанова, И. Андриевская, Ю. Цыганок, М. Огородников под руководством доцента Е.Я. Егорченковой и старшего преподавателя А.С. Игруши-

на. Центр языко-  
мы и методы пре-  
это самостояте-  
немецкого язык  
ческим текстом  
тра кандидат ф  
выразила сущно  
ной в своей кра  
нужно все оста  
ковой подготовк  
ях. Тем же, кто  
дентов и найдет  
знакомиться с за  
теги-и-Гассета «  
философия?» (М

В настоящей  
среди других исто  
достаточной попу  
ства позднеантич  
воссоздал полную  
ное всем диссиде  
ление приписать  
упадке империи,  
раннегреческого  
номике нового вр  
учением Шридер  
картину раннего  
низационные приз  
тории экономики

Мы хотим по в  
тину состояния эк  
держиваясь при эт  
средневекового го  
ра и Зомбарта: эт

Сегодня, согла  
тельно ли то состо  
яся нам идеальной  
сти на небольшой  
вое хозяйство Цент  
городами считают  
родского хозяйств  
ших исследований  
только как торгов  
но и характеризует  
предупредить воз  
попытках абсолют  
родского хозяйств



на. Центр языковой подготовки ИГЭА постоянно ищет новые формы и методы преподавания иностранных языков. В данном случае — это самостоятельное познание студентами законов и тонкостей немецкого языка в процессе коллективной работы над экономическим текстом определенной исторической эпохи. Директор Центра кандидат филологических наук Елена Яковлевна Егорченкова выразила сущность этой сложнейшей творческой работы прелестной в своей крайности фразой: *«Не нужно учебного процесса, нужно все остальное»*. Пожелаем преподавателям Центра языковой подготовки дальнейших успехов в их педагогических новациях. Тем же, кто скептически отнесется к выполненной работе студентов и найдет в ней «массу недостатков», мы рекомендуем познакомиться с замечательной статьей испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета «Нищета и блеск перевода» в его книге «Что такое философия?» (М.: Наука, 1991. С. 336–352).

В настоящее время история экономики занимает ведущее место среди других исторических дисциплин или, по крайней мере, пользуется достаточной популярностью и является актуальной. На основе множества позднеантичных записей и папирусов русский экономист Ростовцев воссоздал полную картину античной экономики. Несмотря на свойственное всем диссидентам-либералам Советской России чрезмерное стремление приписать государственному давлению всю вину в экономическом упадке империи, значимость его работ трудно переоценить. Торговля раннегреческого периода по-новому была описана Хазеброком. В экономике нового времени наблюдался наибольший подъем, связанный с учением Шридерса и его школы, которое в новом свете воссоздало картину раннего капитализма, учитывая как его культурные, так и организационные признаки. Далее следует рассмотреть новый подход к истории экономики средневековья.

Мы хотим по возможности наиболее ясно представить целостную картину состояния экономики Центральной Европы эпохи средневековья, придерживаясь при этом общепринятой точки зрения относительно культуры средневекового города, отраженной в основополагающих работах Бюхера и Зомбарта: это картина экономики периода городского хозяйства.

Сегодня, согласно теории Ф.Рёрига, берется под сомнение, действительно ли то состояние экономической независимости и представляющаяся нам идеальной равнозначность сельского хозяйства и промышленности на небольшой территории так существенно определяет средневековое хозяйство Центральной Европы, что любые проявления торговли между городами считаются скорее исключением и нарушением идеального городского хозяйства. Если я на основе собственных наблюдений и новейших исследований попытаюсь представить торговлю между городами не только как торговлю, которая охватывает более широкое пространство, но и характеризует ситуацию в средневековом мире в целом, то нужно предупредить возможное непонимание. Речь идет не о безнадежных попытках абсолютного отрицания ставших традиционными принципов городского хозяйства; я лишь хочу показать, что необходимо по-новому оп-



ределить уровень развития межгородской торговли, а затем посмотреть, что останется от классического городского хозяйства.

Сегодня, благодаря новым находкам, оказалась несостоятельной старая трактовка истории экономики. Ранние исследования не отражают полной информации, т.к. они основываются на основе городских летописей (т.е. довольно упорядоченных источниках), которые в основном сообщают только о политико-правовом регулировании экономики и лишь косвенно о самой экономике. Из этих летописей можно было также узнать о боязни цехов и местных торговцев перед иногородними купцами, меньше же о самих местных торговцах. Городская хроника не содержала информации, которая бы точно отражала экономическую жизнь; не было также источников, которые бы рассказывали не только о жизни города в целом, но и об отдельных фирмах и их деятельности. В последнее время стали известны другие находки. Особое место среди них занимают опубликованные деловые бумаги большого Равенбургского торгового общества, под контролем которого в 14–16 веках оказалось весь льняной промысел в Верхней Швабии, а само торговое общество стало крупным монополистом в юго-западной Европе.

О фирмах, как и о природе торговли, нам рассказывают архивы семейных предприятий. Постепенно изучаются книги регистрации граждан и налоговые книги, которые отражают торговлю и социальное устройство городов. Говорит ли что-нибудь тот факт, что в историческом атласе город Соест (Soest) обозначен как ганзейский город? Ситуация меняется, если проследить историю семей этого города (Pape и Wiggishausen, Hattorp и Epping), которые упоминаются также в рижских, ревельских и дерптских летописях. Если внук одного из жителей Соеста оказывается настоятелем антверпенского монастыря или если еще сейчас члены этих семей живут в Любеке, Англии или Соесте, можно предположить, что это значит для устойчивости семейных предприятий, базирующихся на долгосрочных планах. Примером того, что установление семейных связей предшествует возникновению деловых отношений между фирмами, служит недавно найденная торговая книга фирмы Мулих.

Необходимо суметь отыскать имена, проследить семейные отношения и продолжительность деловых связей в каждом поколении. Материала очень много. Однако не обо всех фирмах, как, например, о фирме Ravenburger, и не о всех купцах, как о купце Маттиасе Мулихе, мы имеем такие полные сведения. Но имена (и их значения) упоминаются сейчас в сотнях нотариальных документов, которые Штридер обнаружил в Антверпене. Есть и другие важные источники. В 19 веке в маленьком швейцарском городке проходила ярмарка. На основе летописей того времени Х. Амман определяет в своих работах значение этого города в межгородской торговле. На средневековой ярмарке в городе Франкфурте, которая имела большое значение для экономики того времени, купцы довольно часто ссорились, заполняя своими жалобами многие тома судебных книг, которые еще долго использовались не для характеристики всеобщей торговли, а лишь для изучения истории г. Франкфурта. Скоро будет представлена другая ценная находка, в которой описываются характерные черты истории средневековой торговли: сейчас мюнхенская комиссия под руководством Франца Бастиана обрабатывает главную книгу регенбургского купца Рунтингера, датированную 1400 годом. Ни один источник не сравнится с этой книгой, т.к., в отличие от других дошедших до наших дней торговых книг, содержащих специаль-

ные расчеты за о  
между компаньон  
информацию: об  
крупной фирмы, н  
же частное хозяй  
для размышления  
счетовые книги т  
1288–1370 гг. Эти  
перед купцами, от  
крупных фирм, пр  
предстает интенс

Соответствен  
хозяйства и вопро  
осуществлялась то  
лик купца предка

Тем самым вл  
менения и местны  
теристики города к  
городов существо  
Брюгге (Brügge), и  
ленные города, та  
такие как Париж и  
центры Фландрия  
менно сосущество  
альных областей о  
ложению вещей о  
ный путь пшеницы  
делялись также бо  
рода типа Меммин  
(Breisach) и карлик  
типизация была яв  
взаимосвязи торго  
шенный экспорт о  
тался только откло  
факт такого экспор  
загадочным после  
ные показатели эк  
лись огромными. С  
ство, взяв за осно  
Обратим внимание  
из них были насто  
ремесел, не говор  
объемом ремесле  
норировать, так ка  
ния для характер

Но такое пред  
также зарождаетс  
том, чтобы опред  
требителей) выпол  
тому же количеств  
ствовали раньше, т



ные расчеты за определенные сделки или данные по задолженностям между компаньонами, из этой книги можно получить совсем другую информацию: общее сбалансированное отражение делового процесса крупной фирмы, который охватывает движение товаров и денег, а также частное хозяйство. Архивы официальных властей также дают пищу для размышления. Как отдельный пример следует упомянуть старые счетовые книги тирольского суверена, которые велись на протяжении 1288–1370 гг. Эти книги, содержащие данные по задолженности князей перед купцами, открывают нам ранее абсолютно неизвестные названия крупных фирм, прежде всего из Мюнхена, и перед нами в новом свете предстает интенсивность тирольской транзитной торговли.

Соответственно новому подходу к изучению истории городского хозяйства и вопрос о нём ставится по-другому: во-первых, в какой мере осуществлялась торговля в средневековом мире, во-вторых, каков облик купца предкапиталистической эпохи.

Тем самым вместо обычной схемы нас интересуют временные изменения и местные различия в типах городов. Мы переходим от характеристики города к характеристике городов. Конечно, определенные типы городов существовали всегда. Различались торговые города, такие как Брюгге (Brügge), и ремесленные города, как Юперн (Ypern); промышленные города, такие как Флоренция (Florenz), и города-потребители, такие как Париж и Рим. Также были известны большие индустриальные центры Фландрия (Flandern) и Таскания (Toscana), в которых одновременно сосуществовали и сильный экспорт, и зависимость этих индустриальных областей от снабжения продовольствием. На Севере этому положению вещей отвечало разделение торговых путей: восточно-западный путь пшеницы и западно-восточный путь фландрийского сукна. Выделялись также большие города типа Кельна, Нюрнберга, средние города типа Меммингена (Memmingen), маленькие города типа Брайзаха (Breisach) и карликовые города типа Алленсбаха (Allensbach). Но вся эта типизация была явно недостаточно продумана, поскольку не проясняла взаимосвязи торговых путей, и, к тому же, в соответствии с ней повышенный экспорт определенных промышленных и зерновых центров считался только отклонением от мнимого идеала городского хозяйства. Сам факт такого экспорта в независимых городах кажется нам тем более загадочным после новых публикаций Эспинаса, где были приведены точные показатели экспортного производства во Фландрии: цифры оказались огромными. Очень трудно объяснить такое экспортное производство, взяв за основу картину свободной антиэкспортной экономики. Обратим внимание на уже упомянутое различие городов. Большинство из них были настолько малы, что не имели необходимого количества ремесел, не говоря уже о цехах, чтобы обеспечить себя достаточным объемом ремесленных товаров. Считалось, что эти города можно игнорировать, так как они, как и маленькие деревушки, не имеют значения для характеристики экономики периода городского хозяйства.

Но такое представление не совсем верно. В крохотных поселениях также зарождается городская жизнь. Проблема как раз заключается в том, чтобы определить какую же функцию (особенно в качестве потребителей) выполняли маленькие города в межгородской торговле. К тому же количество и соотношение городов, данные о которых существовали раньше, точно не определены.



Очень сложно создать новую типизацию городов, при которой принимаются во внимание функции отдельного города в межгородской торговле, т.к. о городах нам известно из исследований гораздо меньше, чем мы думаем. Если бы я хотел прояснить наши два вопроса об интенсивности торговли и облике торговца, исходя только из определенных типов городов, то результат получился бы приближенным, т.к. это происходило бы путем случайной выборки.

Если мы хотим получить информацию в цифрах о торговом обороте, то мы выбираем один и тот же товар, продававшийся по всей Европе. Например, «сукно» и, прежде всего, ввозимое сукно, таким образом, мы получаем первую статистику. Правда, по Фландрии мы располагаем данными только по городу Брюгге. Они показательны, поскольку являются средними цифрами. Город Брюгге был крупным мировым рынком после Венеции — центрального торгового города. И как «город сукна» распространял его дальше, в другие «суконные» города, такие как Arras (Arras), Дуан (Douai), Уперн (Ypern). Только в 1306 г. в город Брюгге было послано на показ 10500 тюков сукна около 28 метров длиной каждый. В 1313 г. — 92 500 тюков. Производство тонкого шерстяного сукна почти обновилось за 7 лет (1306–1313 гг.). Это не случайно. Просто оказалось, что производство за эти годы постоянно увеличивалось. К началу 14 века уровень производства был довольно высокий. Это как раз было то время, когда графы из Фландрии окончательно отказались от своей политики поддержки ткачей и отдали в распоряжение рабочих капиталистическое ткацкое производство. Но как высок должен был быть товарный голод и его увеличение во всем мире, если мы располагаем поражающими нас цифрами в отношении Флоренции. Джованни Филлини рассказывает, что в 1308 году во Флоренции было произведено 100 000 тюков сукна. Отмечались только тонкие, а не грубые, рассчитанные для широкого потребления, дорогие сорта сукна.

Однако мы мало что выясним, если будем только удивляться этим цифрам. Мы скорее отыщем данные по обороту, если вспомним наш вопрос, то есть обратимся вновь к потребителям. Меня удивляют цифры по городу Регенсбургу (Regensburg), которые я знаю точно. Мы можем рассчитать их на основе редких идеальных первоисточников, так называемых неденежных регистрах по налоговому году 1340–1341. Они являются идеальными источниками уже потому, что они полностью включают средние данные по ввозу сукна за целый год, и ещё потому, что в основу берется регистр доходов тарифа, из которого мы узнаём о движении товаров регенсбургской торговли, прежде всего о ставке таможенной пошлины. Речь при этом идёт об адвалорной пошлине. Я ограничиваюсь сукном и расчётом его количества. В течение одного года в Регенсбург завозилось 320 вьюков фландрийского сукна, это составляет 3912 тюков сукна, учитывая, что 1 вьюк это 12 тюков сукна. Чтобы понять, что это означает, я замечу, что 1 тюк сукна это 35 регенсбургских локтей или примерно 28 метров. С другой стороны известно, что на 1 платье требуется 5 локтей, то есть около 4 метров. Таким образом, из фландрийского тюка сукна можно сшить 27 384 платьев. Эти данные свидетельствуют об интенсивности торговли того времени. Но напрашивается вопрос, кто должен покупать и носить всё это сукно. Конечно же, не сами жители г. Регенсбурга. Растущее население города для нашего времени, принимаем в расчёт 6000, и, исходя из этого, оно могло позволить себе, конечно, только малую часть фландрийско-

го сукна: то е делами г. Регенсбурга, которые посылались в Регенсбург в большей массе, прежде всего в Регенсбург, возникает вопрос о потреблении фландрийского сукна, поскольку в Регенсбурге только с сукном пользовались, качества, вывозимого из фландрийского Регенсбурга не только товарами из д, то, что мы все продукты, в том числе и подобный завозим в Венеции, фландрийского, средне-рейнского, фландрийского сукна, нанесения кра, Регенсбурге. И, конечно, ких сортов сукна, лучше, чем об, изводства сукна, сукна в перво-

Итак, раз среднего качества, слой общества, ностью платежей, унифицирован, индивидуальные, в основном без, делённый стил, янам. Наряду не одеваются, выражения о, половине 13 ве, особенно вбл, город, и дере, щества и пове, димо иметь в

Если мы х, ность, в особе, мы должны де, Конкретное пр, ше узнаем о, Он был весьм, тающимся не, образе. Жен, не только тка



го сукна: то есть 9/10 ввозимого сукна снова распространялось за пределами г. Регенсбурга, несмотря на небольшое количество рыцарей, которые посылали своих слуг из замков на рынок в Регенсбург. Сукно в большей массе шло в Бёмен (Böhmen) и Зальцбург (Salzburg) гужом, прежде всего, так называемым, «кораблём одежды» в Вену. Но снова возникает вопрос: для чего покупателям столько сукна? Этот вопрос потребления фландрийского сукна требует немедленного разрешения, поскольку в 14 веке фландрийское сукно повсеместно встречалось не только с сукном местных ткачей, производивших простые сорта сукна, пользовавшимися спросом в городах, но также с товарами высокого качества, вывозимыми за пределы стран. Тем 27 000 платьям, пошитым из фландрийского сукна, приходилось конкурировать при вывозе из Регенсбурга не только с изделиями из регенсбургского сукна, но со всеми товарами из других городов. Итак, в Германии с 12 века происходило то, что мы всегда можем наблюдать в истории торговли: идут поиски продукта высокого качества и делается попытка производить товар, подобный завозимому купцами. Так было с шёлком в Александрии и Венеции, фландрийским сукном во Флоренции. Таким образом, в 12 веке среднегерманским городам удалось подражание некоторым сортам фландрийского сукна, в 13 веке такой же перенос фландрийской техники нанесения красок удался и в Дунайской области, прежде всего в Вене и Регенсбурге. Вообще, 14 век-время начала производства многих немецких сортов сукна, которые были дешевле, чем фландрийское сукно, и лучше, чем обычное отечественное сукно. Именно это — начало производства сукна среднего качества указывает на подъём немецкого рынка сукна в первой половине 14 века.

Итак, развивающиеся народы всякий раз потребляют продукцию среднего качества, благодаря тому, что постепенно богатеет средний слой общества, который охотно одевается, хотя он оказывается не полностью платежеспособным. В дальнейшем наступает демократизация и унифицирование предметов одежды: стандартный костюм вытесняется индивидуальным костюмом, роскошный образ жизни становится затем в основном безнадёжной попыткой власти, стремящейся оставить определённый стиль одежды и иерархию. Это наносит оскорбление крестьянам. Наряду со многими другими, Зейфрид Хелблинг сетует: крестьяне одеваются как рыцари. Это вполне понятно, поскольку в некоторых выражениях основных свидетельств указывается на то, что во второй половине 13 века в связи с повышением крестьянской земельной ренты, особенно вблизи городов. Рынок расширился: прогресс затрагивает и город, и деревню, приводит к высокой покупательной способности общества и повышению общего уровня его благосостояния. Это необходимо иметь в виду при анализе данных по торговле сукном.

Если мы хотим действительно полностью представить эту деятельность, в особенности отношение импортёров к местному ткачеству, то мы должны действовать многопланово и совершенно другим методом. Конкретное представление о вещах мы впервые получим, если получше узнаем о вкладе маленьких городов в международную торговлю. Он был весьма значителен. Публика всегда была неудовлетворена остающимся неизменным набором сортов сукна. Ей требовалось разнообразие. Женщины в Германии уже в средневековье сами выбирают себе не только ткань, но и портного.



И в то время существовала мода. Конечно, мода не в сегодняшнем понимании этого слова, тем не менее, наблюдалось очень быстрое изменение отношения к некоторым моделям, и человек участвовал в изменениях моды более активно, чем сегодня. На примере регенсбургского материала можно показать, как практически через каждые три года меняется вкус. Сначала в течение двух лет поднимаются цены на неваляное грубошерстное непромокаемое сукно, а затем снова наступает год, когда предпочтительней оказывается гладкое стриженое сукно. Мы должны иметь в виду и то, что в то время распространение европейского сукна охватывало огромный внеевропейский рынок. Во все исламские страны Ближнего и Среднего Востока завозилось флорентийское сукно. Египетским женщинам нравилось сукно из Рима. А что везли караваны из Генуи, которые отправлялись в полугодовое путешествие от Черного через Каспийское море, через Туркестан и Гоби в Пекин? Они везли фландрийское шерстяное сукно, и ситуация, при которой турки носили бы сюртуки из Цвикау, была совершенно допустима. Интересно, что страны Ближнего и Среднего Востока как раз не были лишь поставщиками предметов роскоши и прятностей, как мы постоянно слышим. Они были еще и потребителями сукна.

В те времена большую роль играл магазин старой одежды. А для простого человека торговля старой одеждой и старой обувью были тем же, чем сегодня для нас являются магазины готовой одежды. Старая одежда представляет собой в то время особый вид межгосударственной торговли. Хеблинг говорит о Баварии: «В Венгрию везли мы старую одежду, и старые платья встречались нам фактически на востоке баварских таможенных постов.» Старые платья не были однако лохмотьями, т.е. развитие торговли старой одеждой показывает, что материя носилась долго. Не всегда при оценке средневековых экономических отношений можно исходить из эмоций, из того представления о хороших старых временах, когда воскресный костюм передавался из поколения в поколение. Нельзя в частности оценивать крестьян и городских жителей 14-го столетия так же, как их обнищавших и запуганных потомков 17-го и 18-го столетия. Определение на службу чиновника в 13-ом столетии предполагало, что служащий каждый год имеет право на новый костюм. Форма регенсбургских городских солдат обновлялась ежегодно. При дорогом материале потребление шло естественно медленно.

В завещаниях, которые сохранились, дамы часто завещали свои дорогостоящие платья, реже своим дочерям, а чаще отправляли в монастырь. Выглядело это примерно так: «Мое голубое платье должны получить монахини Верховного кафедрального собора». Монахини, конечно же, могли платье не носить, но завещание имело для них смысл, если они могли продать это платье.

При этих общих замечаниях мы не должны оставлять без внимания потребительский спрос, чтобы дополнить нашу картину торгового значения сукна с учетом ввоза, оборота и экспорта именно маленьких городов. Как раз очень маленькие города часто не имели ткачей шерсти, но испытывали потребность в шерстяном сукне. Таким образом, подтверждается наше предложение о городе-карлике, об Акербюргерштадте (Akerbürgerstadt), который, находясь в зависимости от снабжения, пассивно, как потребитель, принимал участие в торговле. Это отчетливо подтверждает описание швейцарских городов, сделанное Х.Аммансом. В Райнфельдене (Rheinfelden) трудились пекари, мельники, ме-

лочные торговцы, добная ситуация и Бремгартен (Bremgarten), Цбург (Lenzburg), зимого сукна, о му жителей этих честве покупателей. Но жители этих фуртскую ярмарк вседневной жизни Франкфурте в кач ких городов: Z Rheinfelden? Это не только сферу стремление увезт быть от посредни прием расчета. В путешествие (нап покупка или неда дорогая покупка тели более крупн ствия, так как вы не пустыми, в сл варами. Тот факт снова отправляис жны были иметь ной деятельности кий город, стало б тельно принадлеж ней торговли. При третьих лиц прини ные города, котор лога риск перевоз верным полагать, ствовали в перево рые обеспечивали Регулярно, кроме и Констанца (Ko (Kemptener) и г. Шонгауер (Schong но путешествовал ны-производителя заны с торговлей: города или на бли туре могли покупа ния товара. Особе месла повышали п дов. Передняя Ш маленьких «холсто Gallen) или Конста Бутцбахеров, но лотном в Милане



лочные торговцы, льняные ткачи, но не было шерстяного ткача, и подобная ситуация имела место во многих маленьких городах, таких как Бремгартен (Bremgarten), Бругг (Brugg), Кайзерштуль (Kaiserstuhl), Ленцбург (Lenzburg), Меллинген (Mellingen). Все они были покупателями ввозимого сукна, особенно грубого шерстяного сукна из Швабии. Поэтому жителей этих городов, включая самых маленьких, мы находим в качестве покупателей на ярмарках в Цурцах (Zurzach) и Бадене (Baden). Но жители этих маленьких городов продвигаются и дальше на франкфуртскую ярмарку. Кто еще станет сомневаться в полном слиянии повседневной жизни с торговлей, когда мы снова и снова встречаем во Франкфурте в качестве регулярных посетителей жителей из швейцарских городов: Zofingen, Brugg, Bremgarten, Klingnau, Laufenburg, Rheinfelden? Это как раз то стремление торговца, которое прорывает не только сферу городского хозяйства, но и более больших областей: стремление увезти товар как можно дальше, чтобы прикарманить прибыль от посреднической торговли. В то время это был единственный прием расчета. Высчитывали, что принесет большую выгоду: далекое путешествие (например, от Бремгартена до Франкфурта) и дешевая покупка или недалекая поездка (от Бремгартена до Цурцах) и более дорогая покупка у тамошних купцов? Само собой разумеется, что жители более крупных городов охотнее отваживались на дальние путешествия, так как выгода имела место лишь тогда, когда отправлялись в путь не пустыми, в случае, если оплатить покупку можно было другими товарами. Тот факт, что небольшие и совсем маленькие города снова и снова отправлялись во Франкфурт, свидетельствует о том, что они должны были иметь покупательную способность от какой-либо ремесленной деятельности или из прибыли от посреднической торговли. Маленький город, стало быть, имел свою покупательную способность и обязательно принадлежал к торговой системе, а именно к системе иногородней торговли. При посредничестве в торговле чужими товарами через третьих лиц принимаются естественно во внимание только более крупные города, которые могли покрыть за счет большого товарного каталога риск перевозки на дальнее расстояние. Но при этом было бы неверным полагать, что только один или два торговых города области участвовали в перевозке товаров. Сейчас мы точно знаем фирмы, которые обеспечивали, например, г. Тироль (Tirol) фландрским сукном. Регулярно, кроме городов Регенсбурга и Мюнхена, Аугсбурга (Augsburg) и Констанца (Konstanz), в этом участвовали также г. Кемптнер (Kemptener) и г. Линдауер (Lindauer), и, например, такой город как Шонгауер (Schongauer). Эти города или страны-карлики сами регулярно путешествовали во Фландрию, они могли и привозить товары из страны-производителя. Именно в этом смысле маленькие города были связаны с торговлей: они были в качестве покупателей у более большого города или на ближайшей ярмарке или при соответствующей конъюнктуре могли покупать на дальних ярмарках и даже в стране происхождения товара. Особенно часто это происходило тогда, когда местные ремесла повышали покупательную способность жителей этих малых городов. Передняя Швейцария и Верхняя Швабия были правилом, где дух маленьких «холстовых» городов простирался только до Св. Галена (St. Gallen) или Констанца; но мы все же встречаем не только гессенских Бутцбахеров, но и торговцев из Арбона (Arbon) с отечественным полотном в Милане (Mailand). И это не является исключением.



Что я хочу показать этим примером для нашего общего понимания? Кажется верным свежий взгляд, высказанный Бехтелем, о том, что мы должны разложить схему городского хозяйства в пользу временных и местных различий, в пользу более точных отличий торговых и ремесленных городов, ориентированных на внешнюю торговлю, и городов с торговлей местного значения. Поэтому новая картина будет неполной, когда рассуждать о массе городов, только на примере большого города Ганза, полагая, что они вообще ничего не значат для средневековой экономики. Это было бы не совсем верно. В действительности средневековые породило 2000 городов-карликов, что как раз ярко характеризует тот период времени. Именно небольшие города принимали действительное участие во всеобщем товарообмене; только тот, кто исследует покупательную способность и участие стран-карликов в торговле, понимает средневековую экономику, понимает производственные показатели и показатели торгового оборота больших ремесленных и торговых городов, таких как Кельн и Регенсбург, центральных ярмарок типа франкфуртской. Малые города и жители этих городов оказывают влияние на природу международной торговли 14-го столетия.

В течение многих лет в науке велась дискуссия по вопросу о том, были ли известны средневековой оптовая торговля и были ли люди, которые являлись не только потребителями и перекупщиками, но и сделали оптовую торговлю своим профессиональным делом. По мнению историка Г. фон Белова, средневековые не знали оптовой торговли и даже осуждало ее. Сам торговец принципиально стремился к розничной продаже. Это мнение не отражает ситуацию в целом, т.к. оно основывается на торговых книгах и на любекской городской хронике. Средневековые были знакомы и оптовая торговля, и оптовики. Условия городской жизни в г. Любеке наглядно демонстрируют, как происходил процесс объединения мелких торговцев в гильдии оптовиков.

Из рунтинских регистров мы узнаем, что мелкие ремесленники располагали частью транспортных средств, а это значит, что они давали оптовику или перевозчику грузов письменное или устное распоряжение включать меньшие статьи затрат в свой счет. Одновременно это свидетельствует о том, что, с одной стороны, значимым для интенсивности торговых потоков является разделение торговли и транспорта, а, с другой, это дало толчок к развитию системы транспортных партнеров. Купец, который сам больше не сопровождает товары, имеет возможность разделить их на несколько партий и поэтому снизить степень риска посредством повышения надежности и включения перевозчика в долю.

Существует еще один момент, который позволит нам представить более полную картину. Давайте вернемся к независимому городу, где ремесленники действительно имели власть над купцом и производили только те товары, в которых нуждались горожане и крестьяне окрестных сел. Но это только кажущееся положение дел. Известно, что многие виды сырья (железо, шерсть, лен) нужно было завозить. Этим занимался купец. Промышленные потребительские товарищества, которые были организованы цехами в конце 14 века, в основном не оправдали себя. Сотни других примеров подтверждают, что даже при покупке сырья купец является движущей силой экономики, а промышленность работает в тени его деятельности. Эта картина стала проявляться яснее в Германии во второй половине 14 столетия с проникновением хлопка в экономику через производство и массовое по-

требление бумазеи Франклии и Баварии в центральном хлопководимых верхненемецком регионе основывался на

И в заключении кантилизма говоря о делах городского хозяйства и в ранние времена в катах рельсовой станции во Флоренции при производстве во Флоренции городского хозяйства происходит и во внешнем мире, который изготавливает продукцию в рамках городского хозяйства его седел? Готовый на кораблях свою посуду? Из раба в баварских таможенных

Теперь коротко о ца. Средневековые Рунтенгская книга изменений для 1383 года, еще до во доусобной войны (1 товаров было инвестировано этому, два года т.е. одна пятая, в таможенные службы, тами некоторых ценностей сокровищ. На лось, кроме примера гроши представляли не без помощи дурлись на развес и по время Рутинский до но по высоким ценам фирма могла спекулянтов, что они, не о таким запасом, что снова и снова; тем ких операций с целью и более полно это стей, которую я не «Речь идет о сред 14 столетия». Не до ского хозяйства, ко позднего средневеков мании. В 10 в. Германия разрослась на Римской империи. В



требление бумазеи. Таким образом, в один миг все ткачи из Швабии, Франклии и Баварии попадают в зависимость от цены на хлопок на центральном хлопковом рынке в Майне, а также от расчетов, производимых верхненемецкими купцами, деятельность которых и в дальнейшем основывалась на хлопке.

И в заключении: самые современные сведения об экономике меркантилизма говорят нам о том, что полуфабрикаты, выходящие за пределы городского хозяйства, представляют явление, которое имело место и в ранние времена. Я вспоминаю о старейших в мире полуфабрикатах рельсовой стали, о неокрашенных фландрских галстуках, которые во Флоренции приобретали известный там красный цвет, о множестве производств во Фландрии, разделенных по видам работ, но в смысле происхождения не разделенные по профессиям. То же самое происходит и во внеиндустриальных центрах. Ингольский шорник, который изготавливает посуду для крестьян и седла для рыцарей, не работает в рамках городского хозяйства. Что же лежит в основе производства его седел? Готовый, уже раскроенный войлок для потников, привезенный на кораблях по Дунаю из Вены. И наконец, из чего он делает свою посуду? Из расщепленной глины, которую мы встречаем по дороге в баварских таможенных городах.

Теперь коротко о манере поведения и о духе средневекового купца. Средневековые купцы спекулировали с полным захватом рынка. Рунтенгская книга говорит, прежде всего, о важнейших конъюнктурных изменениях для розничного торговца. Яснее это выявляют записи от 1383 года, еще до всеобщего северогерманского дебоша, большой междоусобной войны (1388 г.). В то время в торговлю посредством закупок товаров было инвестировано около 10 000 флорентов. В противоположность этому, два года спустя инвестируется только чуть более 2 000, т.е. одна пятая, в торговлю, из оставшихся 8 000—6 000 вкладывается в таможенные службы, что происходит посредством обложения процентами некоторых ценностей. Остальные 2 000 ложатся в сундуки в качестве сокровищ. На протяжении этих двух лет вообще ничего не покупалось, кроме примечательного товара — богемских грошей. Рубленные гроши представляли собой старые деньги, которые быстро устаревали не без помощи дурной славы и износа (порчи), поэтому они продавались на развес и потом снова переплавлялись в наличное серебро. В то время Рутинский дом производил расчеты по низким товарным ценам, но по высоким ценам на серебро; одновременно выясняется и то, что фирма могла спекулировать: рунтенгеры были настолько выше латошников, что они, не осуществляя закупок в течение двух лет, располагали таким запасом, что мелкие торговцы могли осуществлять у них закупки снова и снова; тем самым рутингеры постигли тайну всех коммерческих операций с целью спекуляции. Тайна — это ожидание. Точнее всего и более полно это представлено на примере игры цен на рынке пряностей, которую я не могу здесь воспроизвести. Мне могут возразить: «Речь идет о средневековой экономике, а примеры приводятся из 14 столетия». Не должна ли здесь идти речь о размывании того городского хозяйства, которое было характерно как для раннего, так и для позднего средневековья. Мы наблюдаем чудо становления городов Германии. В 10 в. Германия почти не знала торговли, в 12 в. немецкие города разрослись настолько, что их можно было сравнивать с городами Римской империи. В 13 в. образуется город Любек, объединяются го-



рода свободной торговли, и на Мюнстерской площади во Фрейбурге появляется величественная приходская церковь. В 14 в. продолжают расти большие и малые города, о которых шла речь выше. Но временные границы нельзя определить с такой точностью, чтобы сказать, что более позднее состояние городского хозяйства преобразуется в состояние внешней торговли, о которой мы уже упоминали. Различия заключаются в структуре и интенсивности торговли.

Снабжение, не зависимое от импорта, взаимоотношения городов и глубинки, кооперация во внешней торговле в период позднего средневековья до такой степени усиливается, что маленькие города сливаются, а в более поздние времена представляют собой типичные города. Любек и Ганзейские «вольные» города, образованные на основе отношений, которые еще сегодня трудно объяснить (отношения территориальной самостоятельности, патрицианской инициативы), поднимаются как города, занимающиеся исключительно внешней торговлей подобно их предшественникам — крупным городам Кёльну и Рейнсбургу. И, наоборот, города на юге Германии, образованные по указу князей, с самого начала были ориентированы на собственное производство и местные рынки. Примером может служить город Фрайбург. В течение 13 столетия в ходе общего экономического роста одни города находят частично свою нишу в системе внешней торговли, а другие, как Любек и Регенсбург формируются территориально и экономически постепенно, вплоть до 15 века. Третья группа городов, образованных в 13–14 вв. из спекулятивных соображений князей, не выходит из своего карликового состояния. Торговый каталог, разнообразие товара и ярко выраженная возможность и для малых городов участвовать во внешней торговле совпадают с расцветом собственной немецкой промышленности. Такие города представлены, наряду с городами и ярмарками центрального типа (Фрайбург), городами позднесредневекового типа, на примере города ремесленников — Нюрнберга. Но Нюрнберг имеет общее с ранним Любеком и древним Регенсбергом: повсюду властвуют купец, экономическая выгода, недостаток продуктов питания, т. к. без купца, занимающегося внешней торговлей, без этих индивидуалистов, германский северо-восток не был бы завоёван нюрнбергскими безделушками ещё и в раннем средневековье. Ни один нюрнбергский кузнец не смог бы доставить рыцарский шлем в северные земли, т.е. туда, куда поставлялись доспехи в большом количестве через Нюрнберг и Любекский Мулихс. Значит, временное различие проявляется в том случае, если мы будем рассматривать обмен, для которого был характерен тип купца 1250 г., более древний тип я назвал бы героическим, т.к. купец действительно проявлял героизм проводя три четверти года в седле, всегда при оружии по дороге из Любека в Новгород, год за годом из Регенсбурга в Киев и обратно. Это было одновременно и героический деловой стиль, при котором подвергались риску в пути все состояние и весь драгоценный груз (без гарантии надежности, без точного знания о сбыте). Все это меняется примерно в 1250 г.. В купеческую среду проникает новое явление — купец учится писать, умение писать означает возможность оставаться дома, а последнее, в свою очередь, — независимость, свободу принятия решения, гарантирование возврата товара, просчитывание риска с учетом разнообразия товара; это также означает, что часть состояния может быть гарантирована собственностью на землю и городской рентой, а также освоением рынка, в конечном итоге — спекуляцией.

Второй тип н...  
нам. Вместо то...  
сравнению с со...  
его и в интелле...  
талистического...  
ня мало кто раз...  
ся делать почти...  
Рутингенский ко...  
неверной, они (...  
пец вел учет св...  
нас трудности, п...  
ные расчеты, о...  
заранее. Не пр...  
торый сегодня в...  
этот купец спра...  
большим количе...  
дательства, кото...  
ной борьбе за з...  
его сбыте. Отск...  
мы в нем любим...  
ность. Купец вс...  
ли от дома, он...  
своему прилеж...  
чтобы тот встал...  
ентирован искли...  
от ужаса локали...  
ся в том духов...  
Матеусе Ринтен...



Второй тип купца, имеющего большую безопасность, импонирует нам. Вместо того, чтобы быть просто латошником, этот человек, по сравнению с современным средним предпринимателем, превосходит его и в интеллектуальном смысле и по типу характера. Купца докапиталистического периода представляли примитивным, поскольку сегодня мало кто разбирается в его деловых записях, но кажется приходится делать почти противоположные выводы. Тот нечетко изложенный Рутингенский кодекс, в котором из тысячи записей вряд ли какая была неверной, они (записи) могут быть такими нечеткими потому, что купец вел учет своего товара в уме. Многие записи представляют для нас трудности, поскольку расчеты исключительно кратки, промежуточные расчеты, особенно перерасчет в монетах, предусматривались заранее. Не придавая значения механизму внешних воздействий, который сегодня влияет на мышление и отношение к различным вещам, этот купец справлялся и с большим объемом денежной массы, и с большим количеством правил в торговле с учетом местного законодательства, которое он также должен был знать, находясь в постоянной борьбе за знание ассортимента товара и за уменьшение риска при его сбыте. Отсюда становится понятным и человеческий облик, то, что мы в нем любим: твердость, мужская трезвость, благочестие и набожность. Купец всегда зависел от верности и усердности своих слуг вдали от дома, он был всегда готов оказать и материальную поддержку своему прилежному, но бедному слуге, оказать помощь для того, чтобы тот встал на ноги. При всей своей расчетливости он не был ориентирован исключительно на рыночный механизм, он всегда зависел от ужаса локальных войн и от капризов природы. Он всегда оставался в том духовном состоянии, которое позволяет сказать о нашем Матеусе Ринтенге, что это — истинный слуга господа Бога.